Б.П. Миловидов

ИЗ ПРОВИНЦИИ В СТОЛИЦУ: ПОМОЩЬ ВЫХОДЦЕВ ИЗ ЕВРОПЫ ВОЕННОПЛЕННЫМ ВЕЛИКОЙ АРМИИ В РОССИИ, 1812–1814 гг.

Помимо материальных трудностей, важной проблемой пребывания в плену для офицеров и солдат Великой армии было отсутствие прочной и регулярной связи с родиной, невозможность известить родных о своей судьбе, получать информацию о семейных делах и о событиях на театре военных действий, а также столь необходимую на чужбине финансовую помощь. При неразвитости институтов благотворительности и перегруженности органов власти текущими делами заметную роль в помощи пленным играли их соотечественники, говоря шире, выходцы из Европы, временно или постоянно жившие в России и являвшиеся носителями европейской культурной традиции.

В российской провинции обычно это были врачи, аптекари, ремесленники, в основном представители средних городских слоев и люди свободных профессий, но не только. В столице это были высокопоставленные чиновники, военные, дипломаты, которые, как правило, стремились добиться перевода знакомых (а часто и незнакомых) им пленников в Петербург, поскольку пребывание их в столице требовало особого разрешения. Рассмотрим несколько таких случаев.

Инженер-генерал Ф.П. Деволлант (исполняющий должность главного директора путей сообщения) обратился к управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову с ходатайством за голландского подданного военнопленного капитана французской службы Губертуса, племянника инженер-генерала П.К. Сухтелена. За отсутствием самого Сухтелена его родственники просили о дозволении прибыть Губертусу

из Вышнего Волочка в Петербург и проживать у них в доме, причем обязывались нести ответственность за поведение пленника. 19 августа 1813 г. Вязмитинов представил «сие обстоятельство» на благоусмотрение императора, который 3 сентября дал соответствующее дозволение[1].

О своих попавших в плен родственниках хлопотал статс-секретарь К.В. Нессельроде. По его просьбе император позволил двум состоявшим в службе герцогства Бергского и взятым при Березине графам Нессельроде (полковнику и подполковнику) во время нахождения их в плену жить в Петербурге. 17 февраля 1813 г. Горчаков сообщил об этом Вязмитинову и попросил дать соответствующие распоряжения[2]. Графы находились в Витебской губернии и Вязмитинов предписал тамошнему губернатору обеспечить их «безостановочное следование» в Петербург[3]. Однако исполнение этого распоряжения пришлось отложить, поскольку младший из пленных графов был болен. Только 24 марта губернатор сообщил об отправлении их из Витебска в столицу под надзором квартального надзирателя Зауера, которому предписывалось также оказывать путешественникам в дороге «вспомоществование»[4].

С просьбой разрешить прибыть из Новгородской губернии в Петербург своему родственнику, военнопленному французской службы Изидору Делафару, обратился к Вязмитинову в 1813 г. егермейстер граф П.Г. Головкин, отметивший, что «еще в прошлом лете» имел на это соизволение императора. Отцом егермейстера был генерал голландской службы Г.А. Головкин, а матерью – баронесса Аполлония Эртенг де Маркетт. Вязмитинов 30 сентября 1813 г. направил соответствующую записку царю и 21 октября последовала императорская резолюция «Дозволить»[5].

Обер-гофмейстер двора граф Ю.П. Литта обратился к Вязмитинову по поводу дозволения военнопленному итальянской гвардии поручику Стампо Сончино переехать на жительство в столицу из Саратова. Об этой просьбе Вязмитинов сообщил императору 23 февраля 1814 г. Впрочем, резолюция монарха последовала только 1 мая 1814 г. уже в Париже: «Всем пленным дарована свобода»[6].

Знаменитый архитектор Дж. Кваренги хлопотал о своем «родственнике и друге», также уроженце Бергамо, художнике Джузеппе Терци, который, будучи раненным, оказался зимой 1812 г. в Вильне. Архитектор просил Вязмитинова разрешить Терци приехать в Петербург и брал на себя ответственность за его поведение. Кваренги добавил также, что «пленный сей известен с хорошей стороны генералу Уварову и виленскому гражданскому губернатору». 3 августа 1813 г. Вязмитинов направил доклад об этом императору, и уже 21 августа последовало высочайшее

дозволение[7]. Терци жил в Петербурге в доме Прасковьи Андреевны Голицыной и женился с позволения императора Александра I на ее дочери Елизавете[8].

В начале 1813 г. полковник И.И. Фицтум фон Экстед обратился с просьбой «во уважение 26-летнего его служения России» дозволить оказавшимся в плену и находящимся в Витебске его племянникам капитану и поручику Фицтум фон Экстед приехать в Петербург. 24 февраля 1813 г. Вязмитинов направил соответствующий доклад императору, который удовлетворил просьбу[9]. Родившийся в Саксонии проситель И.И. Фицтум фон Экстед был известным военным теоретиком и педагогом своего времени, он преподавал в Артиллерийском и Морском кадетских корпусах, обучал колонновожатых, а в 1819 г. уже в чине генерал-майора назначен начальником квартирмейстерского отделения Военно-ученого комитета.

Весной 1813 г. к Вязмитинову обратился профессор астрономии механической мастерской при Главном штабе, а позднее член-корреспондент Петербургской академии наук К.Х. Рейссиг. Он просил об исходатайствовании высочайшего соизволения на приезд из Митавы в столицу его зятя пленного поручика баденской службы Бомача. Вязмитинов предписал курляндскому губернатору оставить Бомача на жительстве в Митаве, а сам тем временем направил доклад императору, который 14 июня 1813 г. положил резолюцию: «Дозволить, но с наблюдением за оным»[10].

10 июня 1813 г. Вязмитинов донес императору, что профессор Императорского института работающих слепых Г. Гайю обратился к нему с письмом, в котором содержалась оригинальная просьба: пребывающий в Вильне в числе пленных доктор Сент-Урсен хочет приехать в Петербург «для напечатания под своим надзором сочиненной им поэмы». Поэма в 12 песнях называлась «Иов» и автор желал посвятить ее императрице Елизавете Алексеевне. Резолюция царя от 23 июня гласила: «Дозволить с присмотром»[11].

Еще одна история связана с выпускником Политехнической школы в Париже Огюстом Глезом (Gleizes) (1781–1863). Этот военный инженер (в русских документах часто указан как Глейз) имел богатый опыт: в 1806 г. занимался установкой батарей на Средиземноморском побережье в Монпелье, затем строительством укреплений в Страсбурге, в 1809 г. строил мосты через Дунай накануне битвы при Ваграме, в 1811 г. находился на испанской границе. В 1812 г. он участвовал в русском походе, был адъютантом командовавшего инженерами Великой армии

генерала Ф. де Шассу-Лоба, участвовал в организации переправы Великой армии через Березину и попал в плен. Возвратившись на родину, он к 1839 г. дослужился до чина полковника, затем обосновался в Тулузе и состоял членом различных научных обществ[12].

А вот, находясь в плену, французский инженер-капитан Глез с 1 сентября 1813 по июль 1814 г. преподавал в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, он читал гражданскую и военную архитектуру, а также вместо умершего в декабре 1813 г. академика С.Е. Гурьева – лекции по механике[13]. Кроме того, известно, что он занимался проектом делимитации границы на Кавказе, который, по словам его биографа, «привлек внимание российского правительства»[14].

Действительно, 25 марта 1813 г. последовало обращение генерального инспектора Института Корпуса инженеров путей сообщения генерала А. Бетанкура (пожалуй, самого знаменитого испанца на русской службе) к императору. Отмечая важность подготовки военных и гражданских инженеров и использования для этого иностранного опыта, он констатировал, что в связи с военными обстоятельствами двое преподавателей-иностранцев прекратили свою деятельность, профессор математики В.И. Висковатов умер (в октябре 1812 г.), а И.С. Ремизон (когда-то он был офицером французской службы) «является единственным остатком фундамента». Подполковник И. Маюров, учившийся в Политехнической школе, отказался продолжать работу в институте, выпросившись в армию. Чтобы исправить ситуацию, были приглашены адъюнкт-профессор Педагогического института (и будущий академик) Д.С. Чижов, который однако не мог работать каждый день, и академик С.Е. Гурьев, работавший два дня. Это касается теории, кадры же для организации практических занятий отсутствовали. Решить проблему Бетанкур, сам учившийся в Париже, предлагал, воспользовавшись пленными, среди которых было много выпускников Политехнической школы. Один из них, капитан инженеров и минеров Огюст Глез, дальний родственник директора Института генерал-майора, а в прошлом капитана французских инженерных войск С.И. Сеновера, который, собственно, и предлагал «воспользоваться его талантами, чтобы уменьшить неудобства его плена». В связи с этим Бетанкур просил императора дозволить отправку Глеза из Вильны в Петербург, выразив уверенность, что его поведение будет соответствовать его положению, в противном же случае обещал передать его в распоряжение военного губернатора. При получении информации о других достойных кандидатах в преподаватели Бетанкур обещал вновь обратиться к царю. По его расчетам, через несколько лет первые выпускники

смогли бы заменить этих иностранцев. Бетанкур предлагал, не определяя пленных в службу, поставить дело так, чтобы они давали уроки, получая от Института соответствующую плату[15]. Согласно помете на докладе Бетанкура, 2 мая был дан высочайший рескрипт, а еще 30 апреля «писано управляющему Министерством полиции Вязмитинову»[16].

Помощь соотечественникам оказывали и находившиеся в России иностранные дипломаты. Так, сардинский посланник Ж. де Местр через сенатора графа Д.И. Хвостова обратился к министру внутренних дел О.П. Козодавлеву с просьбой помочь устроиться в Петербурге нескольким пьемонтцам, оказавшимся в плену, присягнувшим на верность российскому императору и явившимся за помощью к де Местру. Участие Хвостова в судьбе пьемонтцев не было случайным – в 1799 г. он был возведен в графское достоинство Сардинского королевства. Получив через Хвостова согласие Козодавлева, сардинский министр обратился 12 августа 1813 г. к министру внутренних дел с письмом, где выражал благодарность за готовность принять участие в судьбе «несчастных, история которых довольно известна». Вместе с пьемонтцами к посланнику явились трое уроженцев других мест. Всех их посланник снабдил соответствующими свидетельствами и заявлял, что берет на себя обязанность «пристроить их к местам, ежели за благо рассуждено будет их здесь оставить». Особенно он рекомендовал уроженца Бергамо, который был «фабрикантом сыров и потому может быть здесь полезным»[17]. К письму прилагался и список лиц, рекомендованных де Местром. Среди них были 22-летний маркиз Филипп Инсиза де Камерана – офицер, «назначенный во французские полки» и желавший вступить в русскую военную службу, трое солдат, 26-летний Жан Куминос из Турина (бывший «бумажный фабрикант»), 24-летний Мишель Пикопрозо из Пиньероля и 24-летний Жак Стефан из Каналь д'Асси, и, наконец, 23-летний подлекарь Доминик Буска. Кроме этих пьемонтцев, де Местр включил в список 22-летнего портного Жана Деле (из Сен-Морица, что в кантоне Вале на савойской границе), уже упомянутого сырного фабриканта 24-летнего Жана Феррари из Бергамо и 30-летнего матроса из Венеции Антуана Феррари[18]. В сохранившемся черновике ответного письма Козодавлев заявляет о готовности помочь итальянцам и просил уточнить их профессии и образ жизни, который они желают избрать, «чтобы действовать согласно их собственным видам и способствовать, насколько возможно, их благосостоянию в будущем в этой стране»[19].

В июне 1813 г. военнопленный французской службы Ксаверий Амброзио был предан военному суду за учиненное им буйство и «прорезание

ножом… брюха» царскосельскому крестьянину Троицкому. Комиссия военного суда решила, что по российским законам (Воинскому сухопутному уставу) его надлежит приговорить к смертной казни. Причем Амброзио обвинялся по артикулам 19-му (покушение на императора), 135-му (подстрекательство к бунту и возмущению) и 144-му (угроза оружием «в сердцах»). Однако поскольку преступление было совершено еще до манифеста 30 августа 1814 г., то суд решил от казни его освободить и выслать «как злодейственного бунтовщика из пределов России за границу с законами согласно». Но обстоятельства вновь переменились. Наполеон бежал с Эльбы, императорским повелением отправление французских пленных на родину было приостановлено и Амброзио в числе прочих предстояло отправиться во внутренние губернии. Однако сардинский министр, признав, что Амброзио является подданным сардинского короля, попросил «дозволить его иметь при себе в услужении», причем удостоверял «в добропорядочном его поведении». Вязмитинов представил вопрос на усмотрение Комитета министров, который, впрочем, найдя 28 июля 1815 г., что оставить Амброзио в России «неприлично», решил выслать его согласно приговору за границу[20].

В июле 1813 г. американский посланник Дж. К. Адамс (будущий президент США) посетил Н.П. Румянцева и «между разговорами» обратился к канцлеру с просьбой способствовать освобождению из плена находящегося в Тамбове сына французского сенатора и философа-сенсуалиста А. Дестют де Траси. Адамс «принял бы в виде личной к себе милости, если бы г. де Траси был отпущен во Францию на честное слово его, что он не будет служить или же на обмен кого-нибудь» из русских пленных. Адамс добивался этого «по давней дружбе своей с известным генералом Лафайетом и желая доказать оную на опыте», поскольку пленник приходился революционному генералу ближайшим родственником. Румянцев заявил посланнику, что вряд ли император согласиться исполнить такую просьбу, но из уважения к его правительству и народу может быть дозволен перевод де Траси в Петербург, где бы пленник находился под «непосредственным... надзором и попечением» американского дипломата. Адамс согласился на такой исход дела, и 13 июля 1813 г. Румянцев попросил А.А. Аракчеева довести ходатайство посланника до царя. Просьба Адамса была уважена. Резолюция, написанная рукой Аракчеева на обращении Румянцева гласила: «Высочайше позволено жить в Петербурге. 31 июля»[21]. Отметим, что для облегчения судьбы де Траси и ранее предпринимались многочисленные усилия. 10 февраля секретарь вдовствующей императрицы Г.И. Вилламов сообщил А.И. Горчакову, что

Мария Федоровна просит собрать сведения о пребывании в плену французского майора де Траси из корпуса Л. Барагэ д'Илье, который был взят «близ Смоленска с генералом Ожеро»[22]. Сообщая эту просьбу в тот же день и Вязмитинову, Вилламов отметил, что в судьбе этого офицера по ходатайству его матери просила принять участие и великая княгиня Мария Павловна[23]. Однако быстро найти де Траси не удалось. Только через некоторое время выяснилось, что офицер с такой фамилией находится в Тамбове, и Вилламов передал 2 апреля 1813 г. тамбовскому гражданскому губернатору Д.С. Шишкову просьбу императрицы, выяснить не тот ли это Траси, которого она разыскивает. Из его письма ясно, что Мария Федоровна действовала в данном случае и по просьбе княгини Л. Радзивилл, урожденной принцессы Прусской, к которой также обратилась за помощью мать пленника. Установив личность де Траси, губернское начальство должно было истребовать от него письмо к матери[24]. Но как видим, только Адамсу в июле 1813 г. удалось добиться решения, реально облегчающего положение пленника.

Таким образом, изучая судьбы пленных Великой армии в России, мы наблюдаем многообразные связи этнического, культурного, родственного, профессионального и служебного характера между европейским и российским обществом. Воплощением этих связей были выходцы из Европы и их ближайшие потомки и родственники, жившие в России. Именно этот, так сказать, иностранный контингент в условиях гуманитарной катастрофы конца 1812 – начала 1813 г., в которой оказались пленные, играл важную роль в помощи бывшим воинам Наполеона, способствовал их адаптации в чуждой культурной среде, облегчению их положения во время вынужденного пребывания в России. Одним из способов облегчения этого положения было позволение жить в столице.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 83. Л. 1–2.

[2] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2653. Л. 70.

[3] Там же. Л. 66, 70а.

[4] Там же. Л. 71.

[5] РГИА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 90. Л. 1.

[6] Там же. Д. 112. Л. 1.

[7] Там же. Д. 81. Л. 1.

[8] *Бочаров И.* Итальянский виноград и итальянские виноделы // За рубежом. 1991. № 20.

[9] РГИА. Ф. 1261. Оп. 9. Д. 47. Л. 1.

[10] Там же. Д. 63. Л. 1.

[11] Там же. Д. 67. Л. 1.

[12] *Joly N.* Le colonel Gleizes, sa vie et ses travaux. Toulouse, 1865.

[13] *Ларионов А.М.* История Института инженеров путей сообщения императора Александра I за первое столетие его существования, 1810–1910. СПб., 1910. С. 50.

[14] *Joly N.* Op. cit. P. 10.

[15] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 676. Л. 1–2.

[16] Там же. Л. 1.

[17] Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 423. Л. 87–89.

[18] Там же. Л. 89–90.

[19] Там же. Л. 86б.

[20] Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 80. Л. 458–459.

[21] Там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 810. Л. 24.

[22] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2653. Л. 49.

[23] РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1100. Л. 148.

[24] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1915. Вып. 56. С. 166.